

„ВЫ НАСТОЯЩИЙ БОЕЦ...“

Мальцев Н.

ЭТО БЫЛ последний оглушающий грохот взрыва, который он слышал на войне из окопа. И женщина с лопатой, что рыла траншею у стен сражающегося города и теперь лежала, убитая осколком снаряда, было последним, что он ясно и отчетливо еще успел увидеть.

...Операция по извлечению осколка из левого глаза шла долго. Но какими же длинными были дни и ночи отчаяния и ожидания! Что правый глаз ослеп от контузии, он уже знал. Но левый... Никогда ни прежде, ни потом так не хотел и ничего так не боялся, как той минуты, когда последний виток бинта упадет с его глаз.

Он открыл глаза и увидел: красные халаты людей, стоящих над ним, красное небо за окном — прекрасный, желанный и грозный мир, залитый кровью. Хирург успокоил:

— Ничего, ничего! Это хорошо. Кровь рассосется, и мы будем видеть. Не так, как прежде, но будем.

С тех пор прошло сорок пять лет. Но у войны своя хватка. И время, способное предать забвению многое, бессильно освободить от нее память.

И он рассказывает о яростных боях на окраине Ленинграда, о мужестве его защитников, о медсестре Тамаре Стуковой. Она принесла в палату роман Николая Островского «Как закалялась сталь» и читала его урывками под злобный и тягучий вой вражеских бомбардировщиков, под трескучие удары фугасок. Читала, преодолевая непроходящую усталость, душевную боль ежедневных утрат.

— Да, Павка Корчагин помог мне. Он и медсестра.

Как погибла Тамара, он не видел. Когда фашисты в очередной раз начали бомбить город, Александр Николаевич, вдруг схваченный острой тоской, с тревогой ждал ее легких шагов. Ждал, когда придет и скажет: «А как мой Павка?» Но она не пришла. Она пала смертью война, бросившись спасать раненых из-под обломков рухнувшего отделения госпиталя.

В сорок втором он вернулся в родную деревню Исаевщину. Учился ходить на костылях, читать в очках в двенадцать единиц, да и то через лупу. Учился жать. Никто не предлагал ему выйти в поле с серпом, но он пошел. На коленях с привязанными к ним подушечками, почти на ощупь срезал бесценный хлеб военной поры.

Он учился заново жить. И что могло быть суровой этой учебы!

Никогда не забыть четыре дня и четыре ночи по дороге в поселок Техникум, где был госпиталь, в котором работала врачом жена Тоня. Расстояние за пятьдесят. Леся да Леся! Глухомань.

Беда обрушилась внезапно, как делала уже не раз — круто, с тупой и бессмысленной жестокостью. За лесным кордоном — лежневка. На настиле костыли то и дело срывались. Не удержался, в падении сломал костыль. Очки отлетели в сторону, и солнечный день погрузился в белый туман.

Четыре дня, напрягая волю, полз через лужи, болотины, через валежник, срывался в какие-то межи, канавы, каждая из которых была ло-

вушкой для него. Ночи проносились холодом и безнадежностью. Листья брусники да редкие ягоды — вся пища. На него, умирающего, наткнулись случайно.

...По семейным обстоятельствам (жену перевели в Белоруссию) Зайцевы переехали в город Борисов. Тогда он видел еще настолько, что мог работать кладовщиком госпиталя, вести политзанятия с медперсоналом, редактировать стенную газету. В республиканской газете «Червоная змена» и районной «Большевицкая трибуна» опубликовал сотни статей, заметок, стихов.

Но снова близился день, какой был пережит в 41-м в Ленинграде. Однажды, возвращаясь с работы, оказался на дороге, ведущей к полуразрушенному в годы войны мосту через Березину. Ходить по нему запрещалось, и Александр Николаевич хотел свернуть в сторону, на привычный маршрут, но сделать этого не успел: все окружающее вдруг потемнело, как будто кто-то нажал на выключатель.

Да, тот день Зайцеву не забыть. И мост тот с ветхими перилами, и новый удар, который ждал дома. На вопрос Александра Николаевича «Как будем дальше жить?» жена ответила: «Нам надо разойтись...»

В РОДНОЙ КРАИ вместе с сыном возвратился не потому, что дома стены помогают, а потому, что звала к себе отчаянная земля. И не под крыло звала, а для непрестанного труда.

С 1956 года Зайцев — председатель первичной организации Всероссийского об-

щества слепых (ВОС). Она объединяет три района: Верхошижемский, Оричевский, Советский. И каким запасом душевных сил надо обладать, чтобы их хватило на внимание и помощь всем членам организации, на заботу о людях с их драматическими судьбами. Он депутат Верхошижемского сельского Совета двух созывов, народный заседатель, уполномоченный

У всех на виду

райпо, член парткомиссии райкома КПСС, член областного правления ВОС и его президиума, делегат двух республиканских съездов ВОС.

Работа его всегда конкретна, исполнена деловитости. Обязательность, единство слова и дела, целеустремленность — вот что отличает Александра Николаевича.

Когда читаешь в газетах его корреспонденции, стихи, острые заметки, воспоминания, то его фразы: «Я наблюдал», «Как же такое можно не видеть?» воспринимаются не как условность, а как сама реальность. Активное участие в жизни дало возможность Зайцеву написать около тысячи корреспонденций, более трехсот стихов.

Он неизменно интересуется художественной литературой. Книжки ему читали секретари первичной организации ВОС. С сердечной теплотой вспоминает друзей — ветеранов партии и комсомола, ветеранов Великой Отечественной Ф. А. Кротова и И. И. Чертищева, которые знакомили с материалами газет и журналов, были отзывчивыми собе-

седниками. А с тех пор, как появились магнитофоны, Александр Николаевич прослушал много произведений из золотого фонда советской литературы.

Выучился печатать на ощупь. 14 лет редактировал стенные газеты. Неустанной помощницей в хлопотной повседневности стала для Александра Николаевича его вторая жена Таисья Васильевна.

Краеведение — живая память поколений. Мечта о создании в Верхошижемье музея овладела Александром Николаевичем, как только он вернулся из Белоруссии. Начало большого дела всегда трудно. Для Зайцева оно стало страданием: сарай, построенный им самим для временного хранения экспонатов будущего музея, сторел. И когда среди пепла отыскивал то, что осталось, когда пальцы пробегали по шершавой окалине металла, в глазах этого мужественного человека дрожали слезы.

Все заново. На помощь пришли члены первичной организации ВОС и ее секретарь В. Н. Дубровина. 3 августа 1972 года Александр Николаевич писал известному кировскому краеведу В. Г. Пленкову: «Экспонатов теперь у нас больше тысячи».

Райком партии и райисполком поддержали начин энтузиаста: для музея было выделено помещение. В Доме пионеров, в двух его классных комнатах, Ф. А. Кротов и И. И. Чертищев выполнили необходимые столярные

работы — оборудовали стеллажи, витрины. В организации экспозиции принял активное участие пенсионер И. С. Парфенов.

3 февраля 1978 года состоялось открытие. Председателем совета музея, который с первых дней начал жить полной жизнью (к 1 декабря его посетило 1780 человек), был избран Александр Николаевич.

Но не только в создании музея заключалась краеведческая работа Александра Николаевича. Им собрано более 7 тысяч местных частушек, поговорок, песен. Часть их напечатана в районной газете и в кировском альманахе «Встречи». Зайцеву пишут земляки со всех концов страны. Многолетняя дружба связывала его с краеведом В. Г. Пленковым. 23 июня 1971 года он писал Зайцеву: «Преклоняюсь перед Вашим трудом, перед Вашим мужеством... Вы делаете большое государственное дело». Через год Пленков вновь обратился к Александру Николаевичу: «Я очень рад, что мы встретились с Вами и познакомились ближе. Вы настоящий боец-богатырь. Вы превозмогли самое страшное и вышли победителем».

Тридцать четыре года инвалид Великой Отечественной войны первой группы Александр Николаевич Зайцев самоотверженно и плодотворно трудится. Он награжден двумя орденами Отечественной войны I степени, многими медалями, лауреат премий имени В. Г. Пленкова и В. П. Суслопарова, учрежденных журналистскими организациями для рабочих и сельских корреспондентов. Занесен в Книгу почета «50 лет ВОС».

БОЛЬШАЯ Родина начинается с малой, с тропинок детства, с улицы юности.

Поставить памятник своей деревне Исаевщине стало завещанной мечтой Александра Николаевича. Мечтой и многими трудами, которые взял он на себя.

26 августа 1984 года более семидесяти человек из далеких и близких городов — карагинцы, уфимцы, первоуральцы, нижнетагильцы, северодвинцы и еще многие другие исаевцы съехались на открытие памятника своей деревне. Прибыли сюда и гости из Кирова: писатель В. А. Ситников, корреспондент «Советской России» В. И. Иванов, заслуженный художник РСФСР П. С. Вершигоров.

И вот наступил час и минута, когда кумачовое полотнище упало к каменному подножию обелиска и люди увидели то, что было воздвигнуто в память о былом. А потом по русскому обычаю гости сели за тесовый стол, и Александр Николаевич начал слово свое.

Нет, не тризна то была, не поминовение. Была гордость за все свершенное, за то, что было, есть и будет.

А потом была гармонь и пели песни. И далеко разносились они — душа и память — о Ермаке, о Катюше, о «белоснежных полях под Москвой», верности народа Отчизне.

А Зайцев сидел среди односельчан и слушал их голоса. И, может, виделся ему бои у стен Ленинграда. И снова шла к нему навстречу девушка в белом халате, что погибла смертью храбрых, — та, что называла его «мой Павка Корчагин».

Н. МАЛЬЦЕВ.

Пос. Верхошижемье.